

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ АНАТОЛИЯ АВРУТИНА

В статье рассматриваются различные виды интертекстуальных отношений, занимающие значительное место в творчестве А. Аврутина. Публикация представляет собой актуальный для современного литературоведения анализ поэзии русскоязычного писателя Беларуси А. Аврутина с точки зрения присутствия в ней "чужого слова" (М. Бахтин). Интертекстуальный анализ поэзии А. Аврутина позволил установить многочисленные межтекстовые связи с Библией, творческим наследием эпохи золотого и серебряного веков русской литературы.

Введение

В современном литературоведении одной из наиболее значимых и широко обсуждаемых является проблема интертекстуальности и типологии отношений, образующихся в процессе использования "чужого слова" в художественных произведениях. Интертекстуальность является основной (универсальной) межтекстовой связью, с помощью которой осуществляется соединение авторского текста с предшествующими произведениями. В качестве компонентов взаимодействия "своего" и "чужого" слова (Ж. Женетт) выступают: цитаты, аллюзии (аллюзивные имена собственные), реминисценции, отношения текста к заглавию, эпиграфу, а также жанровая связь текстов.

Отметим тот факт, что определяющей тенденцией развития русскоязычной литературы Беларуси, и поэзии в частности, представляется обращение писателей к уже существующим известным произведениям, что, безусловно, проявляется в интертекстуальности. Поэтическое наследие А. Аврутина весьма репрезентативно относительно освещаемого в данной статье вопроса. Научные работы, посвященные интертекстуальному анализу поэзии А. Аврутина, отсутствуют, что делает данный анализ весьма актуальным.

Основная часть

Как известно, творчество любого писателя в той или иной мере принадлежит, с одной стороны, к определенному кругу литературных традиций, а с другой — к реалиям современности, к основным тенденциям развития литературы той эпохи, в которой непосредственно развивается это творчество. Другими словами, авторы, создавая свои художественные произведения, бессознательно, а порой и сознательно, оказываются под влиянием тем, идей, мотивов и сюжетов, активно культивируемых в творческом наследии предшественников.

* Выпускница факультета славянской филологии 2009 г.

Лирика А. Аврутина весьма сложна в плане интертекстуальности: в поэтическом мире изучаемого автора органично сочетаются и взаимодействуют, создавая своеобразный его идиостиль, отсылки к Библии и ее основным сюжетам и темам, к произведениям золотого и серебряного веков русской литературы.

Отношение А. Аврутина к Вере, к Богу и к миру в целом двойко. По справедливому утверждению А. Андреева, «двойкость», амбивалентность (в буквальном смысле – двойкая суть), маргинальность, диалектичность – это сокровенный аврутинский угол зрения на мир» [1, с. 22]:

Поверуй... Вспомни... Усомнись...

Опять поверуй... [2, с. 131].

Апеллируя к Священному Писанию в своих стихотворениях, поэт дает возможность читателю самостоятельно, так сказать “наедине с молчанием” (одноименное название сборника стихов А. Аврутина), сделать свой выбор, определить свое отношение к Богу:

Я божьим служкам Бога не отдам,

Но сам к нему не брошусь в услуженье [2, с. 158].

В лирике А. Аврутина выделяется ряд стихотворений, в которых присутствуют аллюзивные имена собственные библейских героев – Иуда, Иов (Иоанн), Каин, Матфей и др. (“И осень – не осень... И птица – не птица...” [2, с. 74], “Я настолько горбат, что меня не исправит могила” [2, с. 144], “Все как всегда... Скрипят ступени...” [2, с. 86], “И странен взгляд. И странны эти речи” [2, с. 207], “Мне и стылого ветра довольно” [2, с. 99], “Черные отсветы черных прозрений” [2, с. 121], “И люди лгут, и слово лжет...” [2, с. 128], “Бестелесно, крадучись, в сознание” [2, с. 176] и др.). Аллюзивные имена собственные в поэтическом пространстве исполняют роль своеобразного культурного кода, они актуализируются в сознании по мере прочтения стихотворений и помогают не только выявлению межтекстовых связей, но и осознанию причастности к мировой культуре.

Обращается поэт и к известным библейским притчам и сюжетам, поэтически воссоздавая нравоучительные и назидательные истории. Библейские аллюзии позволяют расширять пространственно-временные горизонты современности, а в некоторых случаях и приоткрывать тайну будущего, давая свой, субъективный прогноз относительно дальнейшего развития человечества:

...И только Каин, ненасытный Каин

Все тот же – без потомков и предтеч.

И улетает глупое сознание

В иной простор, в иную пустоту.

И черная дыра над мирозданьем,

И крылья опадают на лету [2, с. 207].

Так реализуется в поэтическом пространстве А. Аврутина библейский сюжет о братоубийстве. Приведем еще один пример, в котором мастерски синтезируются реалии современности с историей о предательстве Иуды и послушании праведного Иова:

В небесном просторе, послушные гуду

Высоких машин и высоких столпов,

Ослушники тайно прощают Иуду,

Послушники внемлют, что скажет Иов... [2, с. 74].

Посредством специфического диалога лирического героя и Творца в стихотворениях А. Аврутина актуализируются библейские заповеди – основные законы, которые, согласно Пятикнижию, были даны самим Богом Моисею.

В современном мире люди часто забывают первоосновы Закона Божьего, и поэт напоминает читателю об их значимости и первостепенности:

Над сонмом житейских стихий
Хоть низко летай, хоть высоко,
Но помни:
Сперва – “Не убий”,
А там уже – “Око за око!” [2, с. 260].

Различные библейские идеи активно вплетаются в ткань поэтических произведений автора (идея существования рая и ада, идея Страшного суда, идея Воскрешения Духа Господнего на Пасху и т.д.), трансформируясь в своеобразные провидения, промыслы Господа. Эти деяния направлены на искоренение порока, зла и всего негативного, что окутывает нашу действительность. Отметим, что, обращаясь к истории христианства, к Священному Писанию, А. Аврутин показывает идею разобщенности мира, идею унификации Закона Божьего в сознании людей, что является определяющей чертой мировоззрения и миропонимания современного человека, “героя нашего времени”, нравственные ценности которого формировались в мире, где “правят ложь и хлеб”:

...В двадцатом столетии... Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму
И вторя вселенскому ужасу, вторя... [2, с. 34].

Встречаются в поэзии А. Аврутина интертекстуальные отношения, образующиеся на уровне “текст/жанр”. Так, автор прибегает к жанру молитвы, трансформируя его из молитвы церковной в молитву поэтическую. Молитва в традиционном смысле этого понятия подразумевает особую форму поклонения (восхваления) или просьбы, обращенной к Всевышнему.

Лирический герой обращается к Богу с прошением, каждая строфа стихотворения начинается со слов “Охрани меня, Боже”. В современном мире наблюдается процесс разрушения, утраты божественных истин и заповедей, люди теряют сакральную связь с Богом:

И вселенская скорбь все стекает по впалой щеке,
Вымывая из душ то, что Богом дано человеку [2, с. 88].

Своей молитвой А. Аврутин показывает непреодолимое внутреннее желание своего лирического героя обрести стойкость и непоколебимость духа с целью противостоять мировому злу и насилию. Однако стихотворение получает ироническое завершение, что не представляется возможным в молитве канонической. Лирический герой предлагает Творцу снизойти в мир людей и испытать все тяготы и трудности жизни земной:

Поброди человеком, в песке оставляя следы,
И позволь мне себя хоть мгновенье почувствовать
Богом... [2, с. 88].

В. Ефимовская в статье “Откуда этот свет неяркий?” говорит о том, что “... осуждение и священства, и верующих, и самой веры вызывает недоумение и несогласие, которые нарушают восходящий процесс постижения поэтической книги А. Аврутина...” [3, с. 112]. С этой мыслью трудно не согласиться. Дело в том, что ироническое, насмешливое отношение к Богу, к его учению в художественном мире русскоязычного автора Беларуси действительно наблюдается еще в ряде случаев. К примеру, в стихотворениях “Послушай грешника, пророк” и “Я только под утро уснул”:

Так лучше помолчи, пророк,
Окстись витийствовать до срока.
Земля мала, а Бог далек,
И Божье царствие – высоко [2, с. 175].

Или

На “ты” обращаюсь к пророкам,
Пророки ж не смели на “ты”... [2, с. 184]

В вышеупомянутой критической статье В. Ефимовской отмечено: “Постижение и осмысление истории христианства, элементарных основ богословия, как мне кажется, помогло бы литературному герою А. Аврутина в его борьбе с пороком и злом...” [3, с. 112-113]. Безусловно, помогло бы. Однако не будем забывать о том, что А. Аврутин – поэт своего времени. Объектом его поэзии является жизнь в своей совокупности и человек с его пороками и слабостями. Многочисленные интертекстуальные отсылки к Книге Книг свидетельствуют о знании библейского вероучения самим поэтом, а неоднозначное отношение к Богу, которое мы наблюдаем в его стихотворениях, является своеобразным маркером нравственного, культурного и духовного воспитания (или его отсутствия) “героя нашего времени”, героя рубежа веков.

Характерными для лирики А. Аврутина являются отсылки к русской литературе, к ее незабываемым традициям. А. Чекменев пишет: « <...> творческая манера Аврутина уходит корнями в поэтическую стихию “серебряного века”. Но если глянуть шире – то его творческая манера уходит как раз в стихийное буйство “золотого века” » [4, с. 122].

Стихотворение А. Аврутина “Голос” отсылает нас не только к творчеству А. Ахматовой (эпиграфом взята строка из стихотворения поэтессы “Мне голос был...”), но и к великому классику русской литературы А. Пушкину, а также обнаруживается отсылка к знаменитому стихотворению Б. Пастернака “Зимняя ночь”.

Стихотворение А. Ахматовой написано в 1917 г. и связано с личными переживаниями поэтессы в преддверии революции. Русскоязычный поэт Беларуси значительно расширяет тематику своего произведения. Во-первых, он задает читателю, и не только ему, риторический вопрос о назначении поэта:

Да, голос был... За что такая плата –
Неслышимый голос слышать по ночам,
Когда в глазах – темно, подушка смята
И порознь тесно мыслям и речам? [2, с. 251]

Во-вторых, поэт, вслед за А. Ахматовой и А. Пушкиным, вопрошает: “Ты думою тревожной облечен – / Взойдет звезда пленительного счастья? (выделено А. Аврутиным – *Е.С.*) / Пробьется ль к людям тоненьким лучом?” [2, с. 251]. В данном примере интертекстуальным элементом выступает атрибутированная цитата, автор сознательно отсылает читателя к стихотворению А. Пушкина “К Чаадаеву”. Не менее очевидной является отсылка к стихотворению Б. Пастернака “Зимняя ночь”. Сравним:

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела [5, с. 75].

И

И видеть язычок свечи – той самой,
Что февралем горела на столе [2, с. 251].

Это лирическое произведение позволяет говорить о наличии в творческом арсенале поэта такого вида интертекстуальных отношений, как центонные тексты. Н. Фатеева в своей монографии [6] определяет данный тип интертекстуальных отношений как "...целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своем атрибутированных), и речь идет не о введении отдельных "интекстов", а о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями" [6, с. 137].

Например, в стихотворении "Эх, куда ж занесло русских женщин российское слово!" А. Аврутин обращается к сюжету, ставшему в литературе символическим: гибель молодых девушек на путях железной дороги. Уже эпитафией (Под насыпью, во рву некошеном... [2, с. 57]) поэт отсылает читателя к стихотворению "На железной дороге" А. Блока, в котором поэтически воссоздана картина гибели молодой девушки на рельсах железнодорожного полотна. Буквально каждая строка в лирическом произведении русскоязычного поэта – интертекстуальный элемент:

Сколько тех Катерин в темный омут
бросалось в грозу!
Вон Карениной выезд...
<...> Про княжну – ту, что Стенька
в шершавую бросил волну,
Но закат настает... [2, с. 57]

Обозначенные строки корреспондируют с различными произведениями: с пьесой А. Островского "Гроза", с романом Л. Толстого "Анна Каренина" и с прецедентной историей об утоплении княжны Разиным, нашедшей отклик в поэтическом наследии А. Пушкина (стихотворный цикл "Песни о Стеньке Разине"), М. Цветаевой ("Стенька Разин") и др.

Стихотворение А. Аврутина "Кто в сотый раз пришел на эту землю" в тематическом аспекте затрагивает круг вопросов, интересовавших писателей разных эпох (А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Ахматову, М. Цветаеву, В. Маяковского и др.), – восприятие и реализация поэтом-Творцом своего дара и предназначения. Иными словами, для А. Аврутина, как и для его предшественников, важна тема поэта и поэзии. Поэтическое творчество выступает в виде "стукта боли, / А если боль окажется права" [2, с. 28], то "Мои слова потомок проглаголит, / Как я глаголю пращура слова" [2, с. 28]. Эти строки отсылают нас к хрестоматийному:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей [7, с. 150].

А. Аврутин, вслед за А. Пушкиным, представляет поэта в образе пророка, "полубога".

Интертекстуальным элементом в поэзии А. Аврутина выступают аллюзивно-прецедентные имена собственные писателей и персонажей художественных произведений, которые вписываются в оригинальный авторский контекст: "Где-то

Хлебников бродит в рубище...” [2, с. 156]; “До сих пор в Путивле плачет *Ярославна* – / *Князя Игоря* как не было, так нет...” [2, с. 15]; “Сколько тех *Катерин* в темный омут бросалось в грозу! / *Вон Карениной выезд...*” [2, с. 57]; “И придет дядя *Ваня* к ужину / И сыночка окликнет: «*Ваня!*...» [2, с. 54]; “Новолунье... Третье *Мандельштама...*” [2, с. 68]; “По России *Пушкина* и *Блока*, / Где опять всевластен *Смердяков...*” [2, с. 85]; “И гипсовый *Сергей Есенин...*” [2, с. 86] и др.

В стихотворении А. Аврутина “Прозрачный призрак принес прозреньё” маркером интертекстуальности выступает эпитафия “Чуждый чарам черный чели” (К. Бальмонт, “Чели томленья”). Однако следует отметить, что автор отсылает не к смысловому содержанию лирического произведения, а к его форме:

Придет прислуга, поднос подхватит,

Письмо помятое подберет.

Пока парчою пылает платье,

Поручик пылкий портвейны пьет [2, с. 169].

Автор демонстрирует поэтические возможности тавтограммы – текст, все слова которого начинаются с одной и той же буквы. Подобного рода языковая игра обнаруживается и в других стихотворениях поэта (“Предает любимый – / придет страданье”, “За то, что в трудный час пришла, / За то, что не пришла в трудный час”, “Россия... Родина... Рябина... / Распятые... Реченька... Роса...” и др.).

Заключение

Таким образом, анализ интертекстуального пространства поэзии А. Аврутина позволяет сделать вывод о широком использовании автором аллюзий, представленных именами собственными, эпитафий, цитатных и реминисцентных отсылок к Библии и произведениям русской литературы. Лирические произведения современного русскоязычного поэта Беларуси представляют собой диалог авторского сознания с предшествующей мировой литературой и культурой в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Андреев, А.* Осколки целого... поэзия... гармония / А. Андреев // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. ; сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 16–39.
2. *Аврутин, А.* Насилие с молчанием : книга поэзии / Анатолий Аврутин. – Минск : Маст. лит., 2007. – 303 с.
3. *Ефимовская, В.* Откуда этот свет неяркий? / В. Ефимовская // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. / сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 107–116.
4. *Чекменев, А.* Поэтические откровения Анатолия Аврутина / А. Чекменев // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. ; сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 117–151.
5. *Пастернак, Б.* Стихотворения и поэмы / Борис Пастернак. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 254 с.
6. *Фатеева, Н.А.* Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
7. *Пушкин, А.С.* Собрание сочинений : в 10 т. / А.С. Пушкин. – М. : Худ. Лит., 1959. – Т. 2 : Стихотворения 1823 – 1836. – 799 с.

Поступила в редакцию 21.11.2012 г.